

Исследовательская статья

УДК 008. +398

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-177-192>

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (РУССКИЕ ЧАСТУШКИ) В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ХУЛУНБУИР АВТОНОМНОГО РАЙОНА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КИТАЯ

Ли Пин¹, Максим Александрович Юйшин², Игорь Ашотович Арзуманов³

¹ Педагогический университет Внутренней Монголии, Хулунбуир, Китай
923867378@qq.com

² Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
waxcox@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7389-678X>

³ Юридический институт Иркутского государственного Университета, Иркутск, Россия
arzumanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7107-2568>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сохранения жанра русского народного устного музыкального творчества в поселке Аргунь и г. Хулунбуир Автономного Района Внутренней Монголии (АРВМ) Китая в условиях межкультурной коммуникации. Рассматриваются факторы формирования этногруппы китайских русских, компактно проживающих в АРВМ Китая

и признаки их этноидентификации. Приводятся авторские записи текстов частушек различной тематики. Выделяются проблемы охраны русской частушки в регионе и варианты мер государственного обеспечения её охраны. Выдвигается ряд предложений по мерам защиты локального наследия данного жанра городского округа Хулунбуир АРВМ. На основе историко-культурной значимости, реального соучастия русского народного устного музыкального творчества в процессах российско-китайской межкультурной коммуникации выводится положение об этнокультурной роли частушки как нематериального культурного наследия и необходимости внесения частушки в список культурного наследия китайских русских. Обо-

сновываются положения о необходимости создания условий и форм государственно-организационной поддержки и популяризации данного жанра в целях сохранения устного народного музыкального творчества китайских этнических русских.

Ключевые слова: китайские этнические русские, русское народное устное музыкальное творчество, частушка, нематериальное культурное наследие, охрана, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Ли Пин. К вопросу об охране нематериального культурного наследия (русские частушки) в условиях межкультурной коммуникации на примере городского округа Хулунбуир Автономного Района Внутренней Монголии Китая / Ли Пин, М.А. Юйшин, И.А. Арзуманов, // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т 5, № 3. — С. 177–192. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-177-192>

Research article

ON THE PROTECTION OF INTANGIBLE HERITAGE OF RUSSIAN FOLK ORAL MUSIC IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (HULUNBUIR, INNER MONGOLIA)

Li Ping¹, Maxim A. Yuyshin², Igor A. Arzumanov³

¹ Hulunbuir University, China
923867378@qq.com

² Transbaikalian State University, Chita, Russia
waxcox@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7389-678X>

³ Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
arzumanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7107-2568>

Abstract. The article discusses the issues of preserving the genre of Russian folk oral musical creativity in the village of the Argun and the city of Hulunbuir, Inner Mongolia, located in the northern part of China. The issue is viewed in the context of intercultural communication between descendants of Russian immigrants and Chinese locals. The article considers the factors in the formation of the ethnic group of Chinese Russians in Hulunbuir, an area of Russian immigrants' compact settlement, and the markers of their distinct ethnic identity. Chinese Russians are a specific ethnic group since over several generations they fused with the local ethnicities yet preserved their unique cultural background. One of the peculiar aspects of Russian culture observed within the community of Chinese Russians is *chastushka*, or ditty, a short witty song expressing an individual's attitude to any happening. The authors give records of the texts of ditties on various subjects, such as love, daily life, politics, etc. The folk genre of *chastushka* indicates intercultural communication between China and Russia and the integration of ethnic Russians into Chinese society. The article reveals the problems of protection of the Russian *chastushka* in the region and possible measures of state provision of its protection as intangible cultural heritage. Both national and local authorities take steps to ensure the continuity of various identities within the national identity of China. Several proposals have been put forward for the protection of the local heritage of this genre of the city of Hulunbuir. Such measures

may include further research of cultural materials, enhancing tourism in the region, and incorporating ditties into local festivities. Based on the historical and cultural significance, the research points to the real impact of Russian folk oral musical creativity in the processes of Russian-Chinese intercultural communication. The authors underline the significance of the ditty as intangible cultural heritage and the need to include the ditty in the list of the cultural heritage of Chinese Russians. The need to create conditions and state-organizational support for various forms of popularization of this genre, especially for those studying the Russian language, to preserve the oral folk musical creativity of Chinese ethnic Russians is substantiated.

Keywords: Chinese ethnic Russians, Russian folk oral musical creativity, folk music (ditty), intangible cultural heritage, legal protection, intercultural communication

For citation: Li, Ping, Yuyshin, M. A., Arzumanov, I. A. (2021) 'On the Protection of Intangible Heritage of Russian Folk Oral Music in the Context of Intercultural Communication (Hulunbuir, Inner Mongolia)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3), pp. 177–192. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-177-192>

Население городского округа Хулунбуир АРВМ Китая представляет собой полиэтничный регион, где проживают более 30 этнических групп, — таких, как ханьцы, монголы, дауры, эвенки и ороконы и другие носители так называемых «этнокультурных комплексов», среди которых живут и с которыми взаимодействуют китайские русские. По мнению ведущих специалистов, изучающих данный регион, пестрота его этнического состава определяет сложность и вместе с тем актуальность исследования динамики трансформации форм и видов трансляции этнокультурного наследия [Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья..., 2016], его сохранности и воспроизводства. Особенности предмета исследования задают соответствующие требования к методологии, релевантной данной проблематике. Основу избранного нами подхода составляют культурантропологический и компаративистский методы. Они, в свою очередь,

подразумевают выявление аксиологических¹ детерминант выбора и аккумуляции средств и методик исследования; задают параметры поиска базовых общественно-экологических феноменов межкультурного взаимодействия как системы коррелирующих форм и способов коллективного сосуществования.

Вопрос о динамике соотношения в районе Трехречья² этнокультурных субстратов и связанных с ней процессов метисации³ русских (преимущественно вышедших из Забайкалья представителей казачества) достаточно подробно освещён в ряде источников. Так Ю.В. Аргудяева, исследуя исход русских казаков и крестьян в данный регион, выделяет три условных этапа. Первый связан с процессами хозяйственного освоения территорий Трехречья, начиная со второй половины XIX в. Второй — с исходом забайкальского казачества в результате последствий гражданской войны в России в 1920-х гг.

¹ Межкультурная коммуникация в условиях глобализации : Учебное пособие / В. С. Глаголев, Н. И. Бирюков, Н. Н. Зарубина [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : МГИМО (У) МИД России, 2008. — С. 8-9.

² «Трехречье — район бассейнов правобережных притоков р. Аргунь, рек: Ган, Дербул и Хаул, расположенных недалеко от границы российского Забайкалья с Китаем, проходящей по р. Аргунь. Он находится в северо-западной части автономного китайского района Внутренняя Монголия, в пределах Хулун-буирского нагорья» [Аргудяева, 2006].

³ См. кинофильм «Трехречье» (1939 г.), снятый кинематографистами Японии. См. также: «Молодецкая удаль и задор явно нравится девушкам (это следующий кадр) они улыбаются и смеются. Обращает на себя внимание, что среди них есть и метиски, одетые точно так же, как их чисто русские сверстницы» [Кляус, Махова, 2018: 350]. См. также фото в упомянутой статье В.Л. Кляус и Л.П. Маховой на страницах 368 и 380.

Третья миграционная волна казачества из российского Забайкалья в маньчжурское Трёхречье вызвана последующей в 1930-х гг. кампанией тотальной коллективизации [Аргудяева, 2019; 2006; 2011]. В результате к первой половине XX в. русские переселенцы и их прямые потомки составляли в регионе большинство населения⁴, сохраняющего не только свой антропологический тип, но и основные формы традиционной светской и религиозной культуры⁵. В ряде работ отмечается, что к первой половине XX в. население Трёхречья как одного из регионов компактного проживания русских в Китае (помимо русского населения Харбина, Хайлара, а также вдоль Китайско-восточной железной дороги (до 1945 г. — КВЖД), объективно представляло собой компактную этногруппу со всеми выраженными признаками самоидентификации⁶ материальной и духовной культуры, свойственной выходцам из забайкальского казачества. Такая ситуация, как пишет Ю.Н. Соломеина, сохранялась вплоть до 1945 г. [Соломеина, 2013: 224].

Последующие во второй половине XX в. социально-политические трансформации (как в России, так и в Китае) повлекли за собой стремительную диффузию антропоэтнических признаков русских китайцев региона. Причин этому, как отмечают ис-

следователи, несколько. Среди них особое место занимают не только (и не столько) перипетии военного лихолетья (гражданская война, карательные экспедиции со стороны приграничных войск СССР, японская оккупация), сколько репрессивная государственная политика Китая в отношении русских Трёхречья в годы культурной революции. Как отмечает в своём исследовании И.Ю. Гутин, оценивая последствия культурной революции, а также вызванных ею процессов репатриации: если «в 1953 г. в Приаргунье всего проживало 13 817 человек, то уже в результате второй волны оттока русского населения из региона (1956–1959 гг.) во всём Приаргунье осталось всего 788 русских из числа эмигрантов, среди которых 785 человек были гражданами СССР и 3 человека гражданства не имели. К 1964 г. эмигрантов там уже практически не осталось: немногочисленные оставшиеся жили, в основном, вдоль железнодорожной линии аймака Хулун-Буир, остальные же эмигрировали в другие страны»⁷. Итогом процессов фактической ассимиляции русских китайцев стала антропологическая и этнокультурная метисация, в результате чего этнические русские в большинстве своём утратили славянский антропологический тип и говорят на северном диалекте китайского языка. Мож-

⁴ Н.Е. Аблова пишет о более чем 20 русских поселениях, сложившихся к этому времени в Трёхречье [Аблова, 2004: 224], а Ю.Н. Соломеина отмечает, что общая численность населения в этих поселениях к 1945 г. составляла в пределах 20–25 тыс. чел. [Соломеина, 2013: 224].

⁵ Что позволяло Е.А. Оглезневой, характеризуя положение дел на начало XX вписать об этом регионе как о «живом осколке кондовой казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [Оглезнева, 2009: 77].

⁶ Например, А.П. Забияко относит к этим признакам: «1) наличие русских по происхождению родителей или родителей, рождённых в межэтнических браках (русско-китайских, русско-монгольских и др.); 2) присутствие физических антропологических особенностей, свойственных родителям — русским по происхождению или рождённым в межэтнических браках с русскими; 3) самоопределение этничности в качестве русской; 4) признание русского языка родным, т.е. языком своей семейной группы в прошлом или настоящем; 5) владение русским языком хотя бы в минимальной степени; 6) сохранение исторической памяти о России как о родине старшего поколения родственников; 7) владение в большей или меньшей мере, фрагментарно или целостно знаниями и умениями, традиционно свойственными русской бытовой, праздничной, религиозной, устно-поэтической, музыкально-песенной, танцевальной культуре; 8) реализация систематически или эпизодически в образе жизни присутствующих русской культуре знаний и умений — ношение элементов традиционной русской одежды (платок, юбка для женщин и т.д.), приготовление блюд русской кухни (хлеб и т.д.), соблюдение обычаев и обрядов, в т.ч. православных, приобщённость к устно-поэтической, вероисповедной, музыкально-песенной, танцевальной культуре, а также соучастие в иных формах унаследованного от русских родственников образа жизни; 9) чувство солидарности с представителями своей этнолокальной общности и русскими в целом» [Забияко, Забияко, 2017: 37].

⁷ Гутин И. Ю. История формирования и социокультурного развития русской диаспоры в КНР (1969–2009 гг.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Гутин Илья Юрьевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки]. — Москва, 2011. С. 10.

но проследить, как объективные процессы метисации и инкультурации, ставшие следствием интенсификации межкультурной коммуникации, в условиях расселения русских в регионе китайского Трёхречья явились следствием конкретных форм взаимодействия с иноэтничными культурами «в условиях местной природно-экологической и социальной среды»⁸, что в конечном итоге привело к эффекту «синкретизации и размыванию основ русской идентичности» [Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья..., 2016: 110].

Сегодня этнические русские проживают в Китае уже в 3–4 поколения, а в отдельных случаях и того больше [张晓兵 (Zhang Xiaobing), 2015: 2]. В Аргуне насчитывается 2044 этнических русских, что составляет 43,74% от общей численности малых народностей во Внутренней Монголии⁹. Они столь же трудолюбивы, гостеприимны, с чувством юмора и умением петь и танцевать, как и другие национальности меньшинств на севере Китая. Причём, несмотря на ассимиляционные процессы, этнические русские сохранили некоторые элементы уникальной народной культуры и религиозной обрядности, сохраняя которую они входят в состав большой многонациональной семьи городского округа Хулунбуир.

Выделенные выше итоги межкультурной коммуникации формировались в русле проводимой во второй половине XX в. государственной политики в отношении малочисленных народов Китая. Соответственно, возникает вопрос не только о специфике этноидентификации собственно китайских русских на современном этапе, но и о текущем формате осмысления сохранившихся феноменов народной культуры, функционально выступающих в качестве гипотетического объекта государственной охраны.

Доктринальный анализ работ российских исследователей говорит об определённой трансформации корпуса признаков этноидентификационного характера применительно к данной этногруппе малочисленных народов Китая. Чтобы ясно определиться со степенью синкретизации и размывания «русского» пласта в его «чистом» виде антропологического, материально и духовно-культурного спектра в среде русских китайцев региона, необходимо рассмотреть вопрос о том, что в данном случае может выступать в качестве основных маркеров этноидентификационных процессов и собственно этничности. Напомним: С.М. Широкогоров, введший в этнографию понятие «этнос», определяет его таким образом: этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличающихся от таковых других групп. Это и есть этническая единица — объект науки этнографии¹⁰. На современном этапе, с учётом этнокультурной доминанты его интерпретации, под «этносом» понимают исторически сложившуюся на определённой территории устойчивую совокупность людей, «обладающих общими особенностями языка, культуры, психики, самосознанием, фиксированным в самоназвании (этнониме)»¹¹.

Особым элементом этнической самобытности и самоидентификации является язык, который и выделен в названных работах в качестве базового структурного элемента этнокультурного комплекса. Но если связь языка и этноса для исследований этнокультурного комплекса давно признана основополагающей, то связь языка и религиозных форм мировоззрения на современном этапе развития

⁸ Как отмечает Ю.В. Аргудяева, «преимущественно тунгусо-язычными, монгольскими, тюркскими, а также с китайцами и японцами» [Аргудяева, 2019: 35].

⁹ В 2013 г., как отмечает Ю.Н. Соломеина, в волости, наряду с китайцами проживали, потомки русских, рождённые в смешанных браках с коренным населением: всего 2 486 чел. [Соломеина, 2013: 226].

¹⁰ Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. — Шанхай, 1923. С. 5. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ShirokogorovEthnos.html>

¹¹ Национальная политика России на рубеже XX–XXI веков : сб. норматив. правовых актов / сост. Н.М. Романова. — Санкт-Петербург, 2005. С. 6.

этих исследований не столь очевидна. В том числе потому, что такая связь проявляется в большей степени для этносов, имеющих локальные формы сильной религиозной традиции (как правило, связанной с мировыми религиями). На наш взгляд, для активизации научно обоснованного изучения данных взаимозависимостей важную эвристическую роль может играть рассмотрение международно-правовых актов, регулирующих вопросы национального самоопределения народов посредством признания их прав на самобытность, с точки зрения их методологического модуса. Так например, обращение к анализу языка Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой Советом Европы в 1995 г., показывает: в п. 2 ст. 5 понятия «культуры» и «самобытности» дифференцируются. Различаются и основные элементы, определяющие самобытность лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам: религия, язык, традиции и культурное наследие¹².

Последняя позиция достаточно показательна с точки зрения маркеров процессов и итогов этноидентификации для этногрупп русских китайцев Трёхречья. При этом в содержании понятия «культурное наследие» с нашей точки зрения уместно выделить ряд признаков, наиболее соответствующих основным параметрам этничности. Такие признаки имеет смысл рассмотреть в качестве дополнительных маркеров, позволяющих выделить группы носителей русской этничности в сложных региональных условиях этнокультурной метиссации (миксации).

Решение поставленной задачи на уровне регионального материала представляет собой определённую методологическую проблему, поскольку именно жители Трёхречья (потомки смешанных русско-китайских браков) из всех современных представителей русскоязычных, проживающих в Китае, в наибольшей степени подверглись ассимиляции (на этот факт обращает внимание российская исследовательница О.И. Курто). Следствием данного обстоятельства явилась дисфункция и нивелировка выделяемых исследователями базовых признаков этноидентификации¹³. Не является исключением и такой фактор, как связь языка и религии. О.И. Курто, кроме этих с её точки (и совершенно справедливо) базовых признаков, отмечает и такой, как блюда традиционной кухни¹⁴. При этом религиозный фактор (преимущественно принадлежность к православному вероисповеданию¹⁵) за годы ассимиляции стал маркером скорее *внешнего* порядка: в условиях отсутствия как православного храма, так и священнослужителей, показатель «воцерковленности» уже не играет особой роли, оставаясь таковым на уровне обрядности, сопровождающей основные православные праздники. При этом обрядово-бытовая сторона празднования Пасхи включена в каталог объектов нематериального культурного наследия Китая, наряду с такими объектами, как русские народные танцы, обряды русской свадьбы, техника домостроения, технология приготовления кваса и др. И напротив, в этот каталог, к настоящему времени *не* включены объекты нематериального наследия, связанные с языком. Этот факт обращает

¹² Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург, 1 февр. 1995. Совет Европы (разд. 2, ст. 5, п. 2) // Национальная политика России на рубеже XX–XXI веков : сб. нормативных правовых актов / сост. сб. Н.М. Романова. С. 94.

¹³ Курто О.И. Историко-этнографическая динамика и современное положение русской диаспоры в Китае. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. — Москва. — 2011. — 32 с. — С. 28.

¹⁴ Китайские русские Трёхречья в первой четверти XX в. были преимущественно православного вероисповедания. Отчасти они принадлежали к официальной синодальной церкви России, отчасти — к старообрядческим течениям, поповцам (белокриницкая иерархия) и беспоповским толкам. См.: Курто О.И., с. 27.

¹⁵ Мещеряков А.Ю. и Антропов О.К. отмечают в этой связи, что старообрядцы были одними из самых ранних русских переселенцев в Китай «которые бежали от религиозных преследований при императрице Екатерине II более 200 лет назад. Они селились на северо-западе Алтайского края образуя деревни, где сохраняли свою веру» [Мещеряков, Антропов, 2017].

на себя внимание ещё и потому, что для основной массы как китайских русских, так и современных мигрантов из России, проживающих в иных районах КНР, язык является основным «связующим звеном» коммуникации.

Вместе с тем очевидно: в наши дни в условиях Трёхречья язык как фактор этнокультурного комплекса подвергся заметной трансформации. Тем интереснее обратиться к рассмотрению частушек — одного из лингвокультурных феноменов, демонстрирующего на общем фоне наибольшую сохранность при удержании живого разнообразия и коммуникативной востребованности. Несмотря на исключительность этого культурного явления, его уникальность и обаяние, жанр частушки, как и другие лингвокультурные феномены, также не включён пока в перечень каталога объектов нематериального культурного наследия Китая.

Когда речь заходит о русском народном устном творчестве, на первый план обычно выходят былины, исторические песни, сказки, и лишь затем — частушки. При этом по мере развития общества устное творчество в России также претерпело изменения: былины, исторические песни и сказки перестали быть «любимцами» народных масс; частушка, напротив, сохранилась в качестве массового фольклорного жанра. То же самое наблюдается в условиях Трёхречья, где былое многообразие устного народного творчества утрачено; но частушка — осталась [Кляус, Махова, Острогская, 2020]. Ещё в 1920–1950-х гг. было зафиксировано, что частушка являлась одной из важнейших особенностей культурной жизни русских эмигрантов и этнических русских в Аргуне Хулунбуира АРВМ. С тех пор, по прошествии более ста лет переда-

чи культурного наследия (включавшего когда-то и другие формы устного народного творчества), искусство частушки приобрело локальный характер, став сегодня неотъемлемой частью полиэтнической культуры АРВМ.

Понятие «частушки» и её характеристики

Вошедшее в обиход китайских русских слово «частушка», как известно, берёт своё начало в русском языке. В России, где исследованиям этого лингвокультурного феномена посвящено колоссальное количество работ, частушки в качестве одной из относительно самостоятельных форм устного музыкального народного творчества бытовали как минимум со второй XIX в. В разных регионах частушки именовались по-разному: их называли «припевки», «пригудки», «собирушки» и т.д. Существуют также «распетые» формы частушек — «короткие песни» [Кулева, 2008]. В народе «частушку» называли ещё «частой песней» (при этом не обязательно быстрой). Считается, что одним из первых термин «частушка» использовал в 1889 г. русский писатель Г.И. Успенский¹⁶. Однако ещё до работ Г.И. Успенского этот термин уже использовали российские собиратели устного народного творчества. Например, в своей рукописи 1887 г. «частушками»¹⁷ называет новый стиль песен известный краевед Н.А. Иваницкий.

В современном Трёхречье частушки также называют «припевками». Для китайских русских слова «частушка» и «припевка» — синонимы. Точнее, «припевки» — местное название 2-, 4- и 6-строчных частушек¹⁸. Китайские ученые называют частушку «сы цзюйтоу»

¹⁶ Успенский Г.И. Новые народные стишки // Собрание сочинений в 9-ти т. / под общ. ред. В. П. Дружина. — Москва, 1957. Т. 8. С. 549–564. Впервые опубликовано в газете «Русские ведомости», 1889, № 110, 23 апреля.

¹⁷ По всей видимости от слова «часто», скорее всего имея в виду декламационный характер некоторых форм.

¹⁸ В Трёхречье частушки называют «припевками», так как и припевают под инструментальный наигрыш [Кляус, Махова, 2018: 355]. См. также: «Единственный фольклорный песенно-поэтический жанр, сохраняющий сегодня у китайских русских традиционные формы бытования и исполнения — это частушка. Практически все исследователи отмечают данный факт. И мы неоднократно были свидетелями тому, что частушки, или, как их здесь ещё называют, «припевки» звучат во время семейных застолий дома или в кругу друзей во время празднований в ресторане, особенно когда устраиваются пляски под гармошку, или в долгих переездах на машине из поселка в поселок...» [Кляус, Махова, Острогская, 2020].

(四句头) [李琳, 杨喜昌 (Li Lin, Yang Xichang), 2002.06: 3]¹⁹, а также «шун коу лю гэй-ао» (顺口溜歌谣)²⁰.

Некоторые учёные настаивают, что частушка является особой формой сочинения «песен с полным содержанием, фиксированным ритмом и мотивом»²¹. Действительно, исполнение частушки до сих пор как правило сопровождается аккомпанементом из аккордовых наигрышей гармошки, баяна, балалайки и даже ударных инструментов (барабанные) и т.д.; однако встречается исполнение и без сопровождения. В наши дни шире распространено мнение, что этот жанр выделяется из песенного творчества [Горелов, 2009: 181–186].

«Частушка» — сугубо фольклорное явление, в ней отсутствуют литературный или письменный контексты. Являясь одной из форм народного творчества, в XIX в. она отражала чаяния молодёжи из крестьян и городской бедноты. После реформы крепостного права 1861 г. в России быстро развивался капитализм. Значительная часть крестьян, потеряв свою землю, отправлялась в города, чтобы зарабатывать себе на жизнь. В это время и рождается частушка, по началу, вероятно, в уездных городах и посёлках, прилегающих к оживлённым дорогам, затем распространяется в других регионах России. Кроме этого, необходимо отметить и наличие частушек, сопровождающих сельскохозяйственные работы, например, «живные» частушки. Они не связаны ни с пляской, ни с городской средой [Деревенская частушка XX века, 2006: 38–39]. И в городах, и в селах жанр частушки постепенно становится самым массовым и популярным видом народного устного творчества. Например, в книге «Неизвестная частушка» «исследуются частушки с мелодизированными напевами <...>, выявляются особенности функциони-

рования частушек в обрядовых, трудовых и социально-бытовых ситуациях... На основе сравнительно-типологического анализа напевов обнаруживаются связи частушек с эпическими, календарно-обрядовыми жанрами музыкального фольклора, с причитаниями, лирическими и колыбельными песнями» [Кулева, 2008: 2]. В.Л. Кляус и Л.П. Махова отмечают такие тематические пласты частушек, как «мужские частушки о драке» [Кляус, Махова 2018: 359], «2) о пьянстве..., 3) о нарушениях норм поведения, грозящих тюрьмой..., 4) эротического содержания...» [Кляус, Махова 2018: 360], Отдельную группу составляют частушки, которые «поёт сам гармонист о своём инструменте» [Кляус, Махова 2018: 360–361].

Сегодня частушка является выражением субъективного отношения к происходящему, формой передачи различных идей и эмоций; она не связана напрямую с социальным статусом её создателей и исполнителей. Фактически это — импровизированное художественное творчество, в котором исполнители, не готовясь, красноречиво, ритмично и рифмовано, буквально «слету», «с уст» выражают своё отношение к тем или иным явлениям окружающей жизни. Если другие виды устного музыкального творчества отражают то, что происходило и в прошлом, происходит в настоящем и возможно будет происходить в будущем, то частушка всегда создается и исполняется «на злобу дня», в её куплетах речь идёт о современных событиях и актуальных (и даже можно сказать сиюминутных) темах, значимых для конкретной группы людей. Именно поэтому частушка имеет такие характерные черты, как стихийность, оперативность, общедоступность, краткость, и, вместе с тем, метроритмическую стабильность. Текст частушки легко воспринимается. Он отличается остроумием и широтой тематики.

¹⁹ Частушка (состоящая из 4 предложений).

²⁰ Частушки (народные рифмованные поговорки). 戴桂菊, 俄罗斯文化, 外语教学与研究出版社, 2010.03, 第193页。[Дай Гуйцзюй. Русская культура. Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2010.03, с. 193].

²¹ Бахтин В.С. Русская частушка // Частушки. — Москва; Ленинград : Советский писатель, 1966. С. 21.

Тематика частушек городского округа Хулунбуир

Тематика частушек, распространённых среди этнических русских в Аргуне Хулунбуира, разнообразна. Как обычно, наиболее популярными темами являются темы любви, повседневной жизни, войны, политики и др. Например о любви поётся в серии частушек «Подружка моя», которую, как правило, исполняют две женщины. Первая строка каждой частушки начинается со слов «Подружка моя...»²²:

Подружка моя
Иди, переоденся,
С твоим Сашкой посижу,
Ты не обижайся.
[Софья] Лабудалинь. 2019.

«О вседневной жизни».
Пошёл танцевать,
Ноги косолапы,
Под себя упал,
Девки виноваты.
[Маша] пос. Караванный (Эньхэ). 2019.

Хо, хо, о-хо-хо дело плохо,
Милку маленьку любить,
Целоваться нагибаться,
Проводить в карман садить.
[Варвара] Аргунь. 2020.

Я пошла по улочке,
Ай, да по городу,
Я любому старичку,
Выдергаю бороду.
[Сун шулань] Лабудалинь. 2020.

«О политике в советское время».
Ленин умирал,
Сталину наказывал,
Хлеб по пайке выдавай,
Мясо не показывал.
[Варвара] Караванный (Эньхэ) 2020.

Приведённые в авторской записи Ли Пин частушки пелись респондентами и записывались автором на русском языке. Но в этой связи необходимо отметить, что в результате процессов межкультурной коммуникации и трансформации такого маркера этноидентификации, как русский язык, число носителей, способных исполнять частушку на нём, в последние годы стремительно сокращается. Старшее поколение, в большинстве своём являясь билингвным, могло исполнять частушки как на русском, так и на китайском²³. «Молодые» (до 40–60 лет) уже не владеют в достаточной мере русским языком. Они исполняют частушки на русско-китайском и собственно китайском языке.

Вопросы охраны наследия и государственной защиты нематериального культурного наследия частушек в поселке Аргуна

Исторически район Трёхречья был малонаселённым; здесь отсутствовало транспортное сообщение, а культурная жизнь была скудной. В том числе и поэтому частушка как народное устное музыкальное творчество пользовалась большой популярностью. Исполнение выразительных злосторонних куплетов, сопровождавшееся танцами и гулянием в выходные или

²² Первая строка каждой частушки: «Подружка моя...» См., например:

1. — Подружка моя,
У нас миленький один
Ты ревнуешь, я ревную,
Давай его продадим!
2. — Подружка моя,
Я уж продавала
Одна Дуня подходила,
Три рубля давала.

См. также: Комякова Ж. Вологодские частушки. // Русская традиционная культура. — 2000. — № 1. — С. 28–74.

²³ В.Л. Кляус, Л. П. Махова, А. А. Острогская отмечают в этой связи: «...можно предположить, что частушки сочиняются китайско-русскими метисами «сразу» на китайском языке и не имеют русского прототипа» [Кляус, Махова, Острогская, 2020: 34].

праздничные дни, делало нелегкую жизнь русских эмигрантов в сельской местности эмоционально богатой и красочной.

Не обходились без частушки во время таких крупных праздников, как Новый год, Рождество, Масленица и Пасха, во время семейных праздников и праздничных гуляний. Эта атмосфера продержалась в Аргуне до 1950-х гг. Однако в результате политической напряжённости, возникшей в отношениях между Китаем и Советским Союзом, русские эмигранты стали выезжать из Китая. Часть из них возвратилась в Советский Союз. В свою очередь, в результате репрессивных мер времён китайской культурной революции пожилые люди с укоренившимися привычками мыслить и общаться на русском языке перестали публично говорить по-русски и петь в присутствии подрастающих в семье детей русские песни и частушки. Как следствие, молодое поколение потеряло естественную языковую и социальную среду, позволявшую изучать русский язык, присутствуя при пении частушек, неформально передаваемых «передача её из уст в уста»²⁴ представителями старшего поколения. Любимая масса русская частушка в Аргуне понесла большие потери. Был нарушен процесс естественной передачи устной языковой традиций.

Положение усугублялось отсутствием у молодого поколения базовых знаний русского языка и основ русской культуры. Вследствие недостатка преемственности между поколениями носителями традиции устного народного творчества на протяжении многих лет оставались только пожилые люди. Они и пели частушку.

Ситуация начала меняться с началом проведения реформ и политики открыто-

сти в Китае, последовавшими после исторических решений XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (8–15 ноября 2002 г.). Вопрос о нематериальном культурном наследии малых народов Китая стал рассматриваться как фактор общенациональной идентичности²⁵.

В этой связи необходимо отметить два принципиальных момента, связанных с современными тенденциями развития отношения в Китае к вопросам нематериального культурного наследия и мер государственной охраны русского народного устного музыкального творчества в условиях Трёхречья. Первый из них, на наш взгляд, определяется методологическим аспектом понимания политическим руководством КНР природы и функциональной значимости нематериального культурного наследия как фактора локальной идентичности. Второй — особенностями политико-правового обеспечения процессов формирования русской нации в условиях региона как фактора мега- и субэтноидентификации.

Последнее является попыткой снятия глобального по своей природе имперского противоречия поликультурности и этноконфессиональности Китая в процессах межкультурной коммуникации. Понятие нематериального культурного наследия (НКН), являясь заимствованной из международного права дефиницией, тем не менее с 2004 г. вошло в операбельный дискурс нормативного обеспечения деятельности государственных органов власти и управления Китая по организации охраны и поддержки культуры малых народов²⁶. Принятию закона о нематериальном культурном наследии Китая (вступившего в силу 1 июня 2011 г.) предшествовало принятие

²⁴ В этом её специфика как жанра устного народного творчества.

²⁵ Отражающей по справедливой мысли В.В. Кочеткова и Е.Н. Грачикова, эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [Кочетков, Грачиков, 2014: 60].

²⁶ Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: принята 17 октября 2003 г. 32-й сессией Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). — URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. С 2004 г. Китай стал членом «Конвенции о сохранении нематериального культурного наследия». Необходимо отметить сопряженный с этим фактический переход от политики предшествующей тотальной аккультурации социокультурного бытия малых народов к политике реализации принципа «единства в многообразии» (на базе и при условии абсолютной политической лояльности этносов китайскому государству).

Положения об охране традиционных декоративно-прикладных изделий (1997 г.), Закона о сохранении культурных памятников КНР (2007), в своей совокупности предвзятельно закрепивших наметившуюся тенденцию государственного регулирования вопросов охраны объектов материальной культуры²⁷. В Законе 2011 г. понятие нематериального культурного наследия раскрывается посредством фиксации форм различных культурных проявлений, передаваемых «по наследству людьми всех национальностей от поколения к поколению, и рассматриваемых в качестве части их культурного наследия, и предметами и местами, относящимися к традиционной культуре»²⁸. В целом политическое руководство страны в настоящее время уделяет больше внимания именно вопросам макро-этнической идентификации в ключе единой китайской нации, в границах которой суб-этническая идентификация на основе политической лояльности рассматривается как «кирпичик» единой нации. Государство оказывает финансовую поддержку регионам, где проживают малочисленные народы в целях укрепления не только их этнического, но, прежде всего, этатистского самосознания и общенациональной идентичности. В период с 2005 по 2010 гг. пять министерств и комитетов Госсовета КНР предприняли ряд совместных мер по осуществлению политики в отношении малочисленных народов с целью возрождения и обогащения традиций народов, населяющих приграничные регионы.

В свою очередь, на уровне региональных органов власти и управления Администрация Аргуны предпринимаются большие усилия по сохранению наследия

и охране нематериального культурного наследия этнических русских, что направлено на приобретение поддержки государства. Администрацией городского округа в обеспечение общей политики государства в отношении малочисленных народов предпринят ряд практических мер. Например, создано «Сообщество по исследованию русской народной культуры»; этнических русских всемерно поощряют говорить и петь на русском языке; танцевать русские танцы. Под руководством А.П. Тарасова и при непосредственном участии доктора исторических наук, профессора М.В. Константинова проводится работа над изданием книг «Этнические русские в Аргуне», «Правдивые записи этнических русских на протяжении ста лет...».

В последние годы не только местные органы власти, общественные организации, учёные, но и сами этнические русские, а также люди, заботящиеся о возрождении и развитии этнической русской культуры, активно занимаются вопросами сохранения и охраны нематериального культурного наследия русских. В Аргуне идёт активная работа с потомками русских эмигрантов по сохранению живой культуры, к которой привлекаются как этнические русские и другие народы. Таким образом, ситуация по данному вопросу улучшается, хотя задачу по-прежнему нельзя считать решённой. Так, неоспоримым фактом является то, что в различных культурных мероприятиях участвуют в основном пожилые люди. Если не будут приняты своевременные меры по исправлению положения, то такое уникальное культурное явление, как частушка, — устное народное музыкальное творчество китайских русских — придёт в упадок или даже исчезнет.

²⁷ Ли На Правовая охрана нематериального культурного наследия в Китае. — URL: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/29.html

²⁸ Включая, согласно Ст. 1, традиционные устные литературные произведения и язык, на котором они передаются; традиционные искусства, каллиграфию, музыку, танцы, драму, народные искусства и акробатику; традиционные технологии, медицину и календарь; традиционные ритуалы, фестивали, и другие народные обычаи; традиционные ритуалы, фестивали, и другие народные обычаи; другое нематериальное культурное наследие. Таким образом, перечень объектов законодатель оставляет открытым. — URL: «Закон о нематериальном культурном наследии Китая»/ <https://asia-business.ru/law/law3/cultural/>

**Заключение.
Основания и рекомендации
по охране нематериального наследия
частушки в Аргуне**

В докладе девятнадцатого Всекитайского собрания народных представителей коммунистической партии Китая говорится: «Культура — это душа государства и нации. Без высокой культурной уверенности, без культурного процветания не может быть великого возрождения китайской нации». 15 июля 2019 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин во время встречи по поводу нематериального культурного наследия по классической национальной исторической поэме «Гэсэр», сказал: «Китайская цивилизация укоренится на почвах полиэтнической культуры с достижением согласия при наличии разногласий. Необходимо уделять внимание сохранению, передаче и охране национальной культуры малочисленных народов, оказать поддержку нематериальным культурным объектам»²⁹.

Таким образом, китайские учёные и политики сегодня рассматривают нематериальное культурное наследие этнических русских как продолжение культурно-исторической традиции страны, которое может разнообразно проявляться в реальной жизни. При этом в последние годы именно «частушка»/«припевка» как жанр устного народного музыкального творчества, как живое нематериальное культурное наследие, живая культурно-историческая ценность Китая, привлекает всё большее внимание не только китайских, но и зарубежных исследователей — систематизирующих, классифицирующих, отбира-

ющих тексты частушек как объект НКН. Частушка неотделима от многообразной культурной жизни современного Китая. Теоретически, практически и идеологически частушка рассматривается здесь как бесценное материальное и духовное наследие, оставленное предками. Не случайно в апреле 2013 г. в числе 39 объектов в список нематериальных ценностей правительством Хулунбуира были внесены и русские народные песни поселка Аргуна³⁰.

Тем не менее, вопрос о законодательной регламентации административно-правовых³¹ процедур, связанных с осуществлением работы по систематизации объектов НКН, всё ещё остаётся открытым.

В этой связи предлагается:

1. Администрация по вопросам культуры и общественных организаций города Аргуна должна внести в комитет культуры АРВМ предложение внести частушки (припевки) в список нематериального культурного наследия китайских русских, проживающих в регионе.

2. Использовать благоприятные условия Аргуны, где компактно проживают этнические русские, для создания социального механизма приобщения к традиции исполнения частушек и передачи традиции частушки из поколения в поколение.

3. Решая вопрос о привлечении большего количества туристов, необходимо всемерно развивать и поощрять семейный туризм с участием гостей в дни празднования Пасхи и других праздников, во время которых частушка может популяризоваться³² наравне с другими региональными объектами НКН в качестве важного туристического ресурса.

²⁹ 习近平/决胜建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利.-北京:人民出版社, 2017.10. Си Цзиньпин / Решающая победа в построении благополучного общества и в великой победе социализма с китайской спецификой в новую эпоху. — Пекин: Издательство Жэньминь чубаньшэ, 2017. 10.

³⁰ Hulunbeier shi ji fei wuzhi wenhua yichan xiangmu minglu (Список муниципальных проектов нематериального культурного наследия Хулунбуир). — URL: <http://www.hlbe.gov.cn/OpennessContent/show/28442.html>

³¹ Как и уголовно-правовой охраны НКН и имущественных прав субъектов-правообладателей интеллектуальной собственности / Цзя Сюешэнь, Янь Юнхэ. Уголовная правовая охрана и её совершенствование в сфере НКН // Электронная интеллектуальная собственность. — 2008. — № 3. — С. 78–85.

³² Вопрос о формах туризма, связанных с общественно-экологическими объектами НКН также нуждается в более детальной регламентации со стороны органов государственной власти и управления с учётом специфики туристической деятельности в историко-культурном пространстве.

4. Включить в программу социально-го развития городского округа мероприятия по сохранению частушек на информационных носителях в целях ознакомления с данным жанром самого широкого круга людей.

5. Продолжить исследования по сбору материалов у этнических русских, владеющих исполнением частушки, с сопутствующим созданием базы данных об их нематериальном культурном наследии.

6. Необходимо продолжить перевод частушек на китайский язык, включая полученные материалы в учебное пособие по русскому языку, разработанное для изучения русского языка и культуры в среде русских китайцев в высших учебных заведениях АРВМ в целях развития любви к своей этнической культуре³³ как части общенационального достояния Китая.

Одной из важных платформ сохранения и защиты нематериального культурного наследия является высшая школа в регионе, где преподается русский язык — Хулунбуирский университет АРВМ. В последние годы университет добился значительных успехов в деле популяризации, передачи и охраны местной этнической культуры. Например, создан научно-исследовательский центр при Хулунбуирском институте по изучению культуры малых народностей. Здесь проводится факультатив «Народные

танцы», которых входит в качестве неотъемлемой части в программу практической подготовки, что даёт положительные результаты в познании и распространении национальной музыки и танца.

Включение частушки в программу практической подготовки ежегодного студенческого фестиваля (в целях познания этнической русской культуры, её распространения и популяризации) также должно дать положительные результаты по её сохранению и дальнейшему развитию. В текущей работе по выявлению национального культурного наследия в Китае частушка опознаётся как «свидетель» исторически сложившихся способов «естественной» межкультурной коммуникации между народами Китая и России. При этом она используется в качестве одного из факторов общенациональной интеграции, работающего на обеспечение идеологической однородности Китайской Народной Республики. Поддержка культурного бренда Китая как государства, способного гармонизировать этническую разноголосицу, не теряя культурного разнообразия каждого из участников этого « хора », придаёт импульс изучению таких лингвокультурных явлений, как русская частушка. Тем самым включение этого феномена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО остаётся, на наш взгляд, делом времени.

Список литературы:

Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Ж. Чжан // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2016. — Т. 17. — С. 109–125.

Аргудяева Ю.В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. — 2006. — № 4. — С. 121–134.

Кляус В.Л. Танцевальная культура Приаргунья (пляски под наигрыши «Подгорная» и «Сербиянка») / В.Л. Кляус, Л.П. Махова // Фольклор. Традиция и эксперимент. — Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2018. — С. 345–408.

Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трёхречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2019. — Т. 23. — С. 136–148. — DOI 10.24411/2658-5960-2019-10021.

³³ Ван Вэньчжан, Чэнь Фэйлун. Охрана НКН в округе Нинхуа и стратегия развития культуры // Журнал университета «Хуачжун». Серия гуманитарных наук. — 2011. — № 3. — С. 121–132.

Аргудяева Ю.В. Быт и традиционный уклад русских казаков в Трёхречье // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкал. казачьего войска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра. — Чита : Поиск, 2011. — С. 98–105.

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае : междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). — Москва : Рус. панорама, 2005. — 430 с.

Соломеина Ю.Н. Трёхречье — русская национальная волость в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. — 2013. — Т. 43, № 2. — С. 223–227.

张晓兵, 内蒙古俄罗斯族【M】. 内蒙古文化出版社, 2015.05, 第2页。[Чжан Сяобин. Русские во Внутренней Монголии. — Хулунбуир : Издательство Культуры Внутренней Монголии, 2015. — 354 с.]

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). — Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. — 351 с.

Забяко А.П. Русские Трёхречья. Основы этнической самобытности / А.П. Забяко, А.А. Забяко. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — 339 с.

Мещеряков А.Ю. Русская диаспора на китайской Земле: вариант культурной гибридности / А.Ю. Мещеряков, О.К. Антропов // Журнал фронтирных исследований. — 2017. — № 2. — С. 30–58.

Кляус В.Л. Частушки и припевки китайских русских Северной Маньчжурии / В.Л. Кляус, Л.П. Махова, А.А. Острогская // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 1. — С. 9–35. — DOI: 10.17223/18137083/70/1.

Кулева С.Р. Частушки и «короткие песни»: к вопросу о внутрижанровой классификации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 54. — С. 107–110.

李琳, 杨喜昌, 俄罗斯民间短歌“四句头”赏析, 俄罗斯文艺, 2002.06, 第3页。[Ли Линь. Оценка и анализ русской народной короткой песни «Частушка» / Ли Линь, Ян Сичан // Русская литература и искусство. 2002.06].

Горелов А.А. Поэзия частушки // Вестник культурологии. — 2009. — № 4. — С. 181–186.

Деревенская частушка XX века / [сост. и авт. вступ. ст. С. Б. Адоньева]. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 531 с.

Кулева С.Р. Неизвестная частушка. — Вологда : Изд-во Вологодского обл. науч.-методического центра культуры и повышения квалификации, 2008. — 247 с.

Кочетков В.В. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая / В.В. Кочетков, Е.Н. Грачиков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2014. — Т. 6, № 3. — С. 40–62.

References:

Zabiyako, A. A. et al. (2016) 'Folklore of the Russian Diaspora of Three River Region (Sanhe Qu) as the Basis of the Ethnicity Preservation', *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 17, pp. 109–125. (In Russian).

Argudyaeva, Y. V. (2006) 'The Russian population in Tryekhrechye', *Rossiâ i ATR*, (4), pp. 121–134. (In Russian).

Klyaus, V. L. and Makhova, L. P. (2018) 'Dancing Culture in the Priargunie Three Rivers Area (Folk Dancing Accompanied by *Podgornaya and Serbiyanka*)', in *Fol'klor : tradicija i eksperiment [Folklore. Tradition and experiment]*, Moscow: IMLI RAN Publ., pp. 345–408. (In Russian).

Argudyaeva, Y. V. (2019) 'From Russia to the Manchurian Three Rivers: The Outcome and Economic Activity of the Russian Cossacks in the 1920-1940s', *Trudy instituta istorii, arheologii i ètnografii DVO RAN*, 23, pp. 136–148. doi: 10.24411/2658-5960-2019-10021. (In Russian).

Argudyaeva, Y. V. (2011) 'Byt i traditsionnyĭ ukhad russkikh kazakov v Trëkhrech'e [Life and traditional way of life of Russian Cossacks in Three Rivers]', in *Zabaikal'skoe kazachestvo v istoricheskom razvitii i mezhdunarodnoi kommunikatsii [Transbaikal Cossacks in historical development and intercultural communication]: Conference Proceedings*. Chita: Poisk Publ., pp. 98–105. (In Russian).

Ablova, N. E. (2005) *KVŽD i rossijskaâ èmigraciâ v Kitae : mezhdunarodnye i političeskie aspekty istorii (pervaâ polovina XX v.) [CER and Russian emigration in China: international and watered. aspects of history (first half of the twentieth century)]*. Moscow: Rus. panorama Publ. (In Russian).

Solomeina, J. (2013) 'Trekhech'e - russkaia natsional'naia volost' v prigranichnom Kitae [Three Rivers - Russian national volost in border China]', *Society and State in China*, 43(2), pp. 223–227. (In Russian).

Zhang, X. (2015) *Neimenggu Eluosi zu. Neimenggu wenhua chuban she [Inner Mongolian Russians]*. Hulunbei'er: Inner Mongolia Cultural Publishing House. (In Chinese).

Oglezneva, E. A. (2009) *Russkii ĭazyk v vostochnom zarubezh'e : na materiale ruskoĭ rechi v Kharbine [Russian language in the Eastern Diaspora (based on the Russian speech in Harbin)]*. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).

Zabiyako, A. P. and Zabiyako, A. A. (2017) *Russkie Trekhreč'ja: osnovy ètničeskoj samobytnosti [Russians from Three Rivers. Basics of ethnicity]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN Publ. (In Russian).

Meshcheryakov, A. Y. and Antropov, O. K. (2017) 'Russian Diaspora in China: Variant of Cultural Hybridity', *Žurnal frontirnyh issledovanij*, (2), pp. 30–58. (In Russian).

Klyaus, V. L., Makhova, L. P. and Ostrogskaia, A. A. (2020) 'Chastushka texts and couplets of Chinese Russian ethnic minority in North Manchuria of China', *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, (1), pp. 9–35. doi: 10.17223/18137083/70/1. (In Russian).

Kuleva, S. (2008a) 'Chastooshkas and Short Songs: the Issue of Intragene Classification', *Izvestiâ Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, (54), pp. 107–110. (In Russian).

Lin, L., Xichang, Y. 'Eluosi minjian duange "si ju tou" [Appreciation and Analysis of Russian Folk Short Song Chastushka]', *shangxi, eluosi wenyi [Russian Literature and Art]*, 2002. (In Chinese).

Gorelov, A.A. 'Poeziia chastushki [The Poetry of Ditties]', *Vestnik kul'turologii*, (4), pp. 181–186. (In Russian).

Adonyeva, S. B. (ed.) (2006) *Derevenskaja castuska XX veka [Village ditty of the 20th century]*. Saint Petersburg: Izd. S.-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russian).

Kuleva, S. (2008b) *Neizvestnaia chastushka [Unknown Ditty]*. Vologda: Izd-vo Vologodskogo obl. nauch.-metodicheskogo tsentra kul'tury i povysheniia kvalifikatsii Publ. (In Russian).

Kochetkov, V. V. and Grachikov, E. N. (2014) 'Identity as a Source of China's Soft Power', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriâ 25. Mezhdunarodnye otnošeniâ i mirovaâ politika*, 6(3), pp. 40–62. (In Russian).

Информация об авторах

Ли Пин 李萍 — кандидат философских наук, профессор, руководитель Центра по исследованию культуры малочисленных народов в Хулунбуире, Педагогический университет Внутренней Монголии (АРВМ). 021008 Внутренняя Монголия, Хулунбуир, район Хайлар, Дорога Чингисхана, 26. (Китай)

Максим Александрович Юйшин — аспирант, сотрудник кафедры китайского языка, Забайкальский государственный университет. 672039 г. Чита, Александро-Заводская ул., 30. (Россия)

Игорь Ашотович Арзуманов — доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры Конституционного права и теории права, Юридический институт Иркутского государственного Университета. 664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, 1. (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Li Ping 李萍 — PhD in Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of the Culture of Indigenous Peoples in Hulunbuir, Hulunbuir University. 26, Genghis Khan Road, Hailar District, Hulunbuir, Inner Mongolia, China, 021008 (China)

Maxim A. Yuysin — PhD student, employee of the Department of Chinese Language, Transbaikal State University. 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039 (Russia)

Igor A. Arzumanov — Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Irkutsk State University, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute of Irkutsk State University, 1, Karl Marks st., Irkutsk, Russia, 664003 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 08.09.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 08.09.2021.